

Нельзя, нельзя смеяться. Вэй Усянь поспешно прикрыл рот руками, отвернулся, но чем больше думал, тем смешнее казалось. Сдерживаться было мучительно, всё тело тряслось.

Бледные глаза Лань Ванцзи застыли, брови слегка нахмурились. Спустя мгновение он поднялся, отряхнул рукава, подошёл к Вэй Усяню сзади, остановившись в нескольких шагах, и спокойно произнёс:

— Ты... не беспокойся. Это... можно обсудить с отцом завтра.

Дрожь в теле Вэй Усяня резко прекратилась, однако менее чем через несколько секунд возобновилась с ещё большей силой.

Он плачет? Лань Ванцзи едва заметно нахмурился, сжал за спиной кулаки. Подумав, решил подойти к нему сбоку и продолжил:

— На самом деле, тебе не стоит...

Вэй Усянь не выдержал.

— Пух-ха-ха-ха... — Он расхохотался, держась за живот.

Лицо Лань Ванцзи окаменело.

Вэй Усянь смеялся до боли в животе, слёзы выступили на глазах. Увидев, что выражение лица Лань Ванцзи стало ещё холоднее, он от смеха повалился на пол, одной рукой опёрся на столик с цитрой, другой указывая на Лань Ванцзи:

— Ха-ха-ха, Лань Эр-гунцзы, ты что, подумал, будто я плачу? Ха-ха-ха! Не может быть, я, Вэй Усянь, в этой жизни только смеюсь, никогда не плачу!

Теперь уже задрожало тело Лань Ванцзи, но, в отличие от предыдущего случая, если не присматриваться, сложно было заметить, что он дрожит. Лишь... кончики ушей стали алыми, впрочем, только до мочек.

Он холодно смотрел на сидящего на полу и всё громче хохочущего Вэй Усяня и ледяным голосом произнёс:

— Встань.

— Нет, не встану! Сказал встать — и я должен встать? А моё достоинство?

— Встань! — Голос Лань Ванцзи резко вознёсся, явно выдав его гнев, причём очень сильный.

— Ладно, ладно, встаю, встаю. Как же ты легко выходишь из себя, совсем не умеешь принимать шутки. — Видя, что человек действительно разозлился, Вэй Усянь, не будучи тем, кто лезет из кожи вон, оттолкнулся рукой и встал быстро и решительно.

Лань Ванцзи бросил на него взгляд, отвернулся и больше не смотрел в его сторону.

В комнате воцарилась временная тишина.

Однако кое-кто не был тем, кто мог долго молчать.

Вэй Усянь приблизился к Лань Ванцзи, тот рефлекторно отступил на шаг в сторону, словно стремясь избежать его, как чумы. Вэй Усянь снова хотел было засмеяться, но, вспомнив, как Лань Ванцзи только что дрожал от злости, с трудом сдержался.

Он прочистил горло и позвал:

— Лань Эр-гунцзы.

Ответа не последовало.

— Лань Ванцзи!

Ответа по-прежнему не было.

Эх, да этот человек ещё более горделив, чем Цзян Чэн!

— Лань Чжань!

На этот раз Лань Ванцзи наконец отреагировал, повернул голову и уставился на него ледяным взглядом.

Вэй Усянь поспешно поднял руки в знак сдачи, невинно моргнув:

— Не сердись, не сердись. Я позвал тебя только потому, что ты не отвечал.

Лань Ванцзи отвел взгляд и холодно произнёс:

— Говори.

— Ты же знаешь, я изначально должен был выйти за твоего старшего брата, но где-то произошла ошибка, и я оказался в паланкине семьи Цзинь, а с тобой совершил три поклона. С древних времен три поклона означают законное заключение союза. Как ты думаешь, что нам

теперь делать?

— Завтра пойдём к отцу.

— Отлично, а сейчас?

— Отдыхай.

Вэй Усянь кивнул. Сейчас действительно можно было поступить только так. Хотя он считал, что раз уж они стали партнёрами, то либо придётся принять ошибку, либо расторгнуть союз. Но то, что изначально было абсурдным делом, столкнулось с ещё более абсурдной переменной, и в итоге неизвестно, каким же абсурдным способом всё разрешится.

Этот абсурд, наложенный на абсурд и умноженный на абсурд, если распространится, непременно прославится на весь мир, войдёт в историю и станет величайшей небылицей Поднебесной. А он, Вэй Усянь, станет знаменитым, обязательно станет знаменитым! Хотя он и так уже знаменит, ха-ха-ха.

Размышляя об этом с радостью, он увидел, что Лань Ванцзи снова уселся за столик с цитрой. Вэй Усянь, увидев это, приподнял бровь:

— Лань Эр-гунцзы, ты же сказал отдыхать. Не ляжешь? Ничего, мы же оба мужчины, чего бояться?

— Иди ты. — Лань Ванцзи холодно бросил два слова.

— Ты будешь играть всю ночь? — Выносливость у тебя неплохая, Лань Эр-гунцзы.

Лань Ванцзи больше не произнёс ни слова, устроился на мягкой подушке и закрыл глаза, явно не желая больше разговаривать.

Вэй Усянь скучно скривил губы, лениво потянулся, обошёл ширму, сбросил сапоги, снял одежду, оставшись лишь в красной нижней рубашке, и взобрался на ложе.

Однако, пролежав некоторое время и поворочавшись с боку на бок, он никак не мог заснуть. Повернувшись на бок и подперев голову рукой, он сквозь ширму разглядывал белую фигуру, затем снова произнёс:

— Лань Эр-гунцзы~ — Последний слог он намеренно протянул.

— Лань... Ммм! Ммм-ммм! — Не успев выговорить «Чжань», Вэй Усянь почувствовал, как его губы плотно сжались, и он не мог их разомкнуть.

Заклятие молчания клана Лань!

Вот так Лань Эр-гунцзы, не хочешь слушать — и сразу применяешь заклиание молчания! Вспомнив, как его чуть не задушило, когда Цинхэн-цзюнь применил это заклиание на целый час, а теперь Лань Ванцзи снова его заставил замолчать.

Бесит, просто бесит!

Он с силой перевернулся на другой бок, отчего ложе громко закрипело. У Лань Ванцзи за ширмой дёрнулся висок, и, если бы не отсутствие меча Бичэнь, он, возможно, сразу бы вытащил Вэй Усяня наружу. Этот человек не даёт ни минуты покоя!

Но после нескольких глухих стуков внутри наконец воцарилась тишина, и Лань Ванцзи вздохнул с облегчением.

Ночь быстро прошла.

Цинхэн-цзюнь и Лань Цижэнь встали исключительно рано. Придя в изящный павильон, они уселись друг напротив друга, перед ними стоял горячий чай.

Лань Цижэнь закатал рукава, взял чайник, налил источающий пар чай в чашку и подвинул её к Цинхэн-цзюню. Цинхэн-цзюнь поднял чашку, вдыхая аромат свежего чая, и с улыбкой посмотрел на сидящего напротив младшего брата:

— Цижэнь, хорошо поспал?

— Благодаря старшему брату, очень хорошо.

— Неизвестно, как у них дела.

— Когда они придут, мы узнаем.

— Да, верно.

Они рано встали и пришли в изящный павильон по простой причине.

С древних времён после заключения брака и становления партнёрами, если в семье мужа ещё живы старшие, пара должна была подать чай перед ними. У двух сыновей клана Лань старшими были их отец Цинхэн-цзюнь и дядя Лань Цижэнь.

Их свадьба была для этих старших самым важным и особенным событием, и, помимо волнения,

они также немного беспокоились. Поэтому они практически не сомкнули глаз всю ночь и, едва забрезжил рассвет, поднялись и пришли в изящный павильон, чтобы ждать их.

Время постепенно текло, горячий чай стал тёплым, когда наконец вошёл ученик клана Лань, стоявший у двери. Он опустил голову, с сложным выражением лица, и сказал:

— Цзунчжу, господин Лань, старший гунцзы, второй гунцзы и две мадам прибыли.

Поскольку он стоял с опущенной головой, Цинхэн-цзюнь и Лань Цижэнь не заметили его сложного выражения. Обменявшись взглядами, Цинхэн-цзюнь улыбнулся:

— Пусть войдут.

— Слушаюсь. — Ученик клана Лань вышел из изящного павильона.

Не прошло и мгновения, как четверо одновременно вошли в павильон, почтительно сложили руки и поклонились:

— Приветствуем отца, дядю.

— Хм. — Оба одобрительно кивнули, одновременно повернув головы и увидев, как четверо подняли лица.

Их лица резко изменились.

Щёлк!

Чашка в руках Лань Цижэня, из которой он ещё не успел дотить чай, разлетелась вдребезги. Тёплый чай пролился на всю его ладонь, каплями падая на стол. Но ему было не до воды. Вспыхнув гневом, он воскликнул:

— Вы... как вам не стыдно!

Даже всегда мягкий и добродушный Цинхэн-цзюнь сейчас нахмурил брови, смотря на четвёрых перед собой, особенно на своих двух сыновей. О младшем гунцзы семьи Цзинь он почти ничего не знал, но о характере Вэй Усяня кое-что слышал, однако...

Сичэнь и Ванцзи, как они могли участвовать в этом безобразии? Нет, они бы никогда так не поступили, тогда не... В сердце Цинхэн-цзюня зародилось смутное дурное предчувствие.

Однако он не стал выражать эмоции так бурно, как Лань Цижэнь, и поставил свою чашку. Это был его любимый чайный сервиз, и если бы разбилась ещё одна чашка, он бы очень опечалился.

— Сичэнь, Ванцзи, вы это... зачем?

<http://bllate.org/book/15281/1349008>